

С.С. Калинин (Россия, Санкт-Петербург)

О НОВОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ В ЛИНГВИСТИКЕ: КАК БИОЛОГИЯ ПОМОГАЕТ НАУКЕ О ЯЗЫКЕ

Одним из актуальных направлений в современной лингвистике и, шире, в современной когнитивной науке является биологическая теория познания, впервые предложенная У. Матураной. В рамках этой теории постулируется положение о биологической реальности языка как феномена, необходимого для успешного приспособления человека к окружающей среде и, соответственно, его дальнейшего эволюционного развития.

Процесс когниции, строго говоря, возможен не только у человека, он проявляется также и у высших животных, например, у таких, как приматы, киты и дельфины, домашние собаки и кошки [2, с. 308–362]. По этой причине данных живых существ можно причислить не только к миметическим животным, как это обычно делается, но также и к символическим существам, к которым традиционно относили только человека [2, с. 327]. В рамках же данного доклада мы будем говорить преимущественно о человеке как о «живой когнитивной машине».

Когнитивные процессы имеют свою строгую иерархию, вершиной которой является сам феномен биологической жизни во всей ее многообразии и полноте. Иерархия когнитивных процессов выстраивается следу-

ющим образом: ее верхней частью, как уже было сказано, является биологическая жизнь, ниже его лежит сознание человека, затем идет мышление (как функция сознания), затем идет когниция, которая, в свою очередь, распадается на категоризацию и концептуализацию. Подводя итог сказанному, можно указать тот факт, что сама жизнь, жизнедеятельность представляет собой один обобщенный когнитивный процесс, жизнь человека немислима без познания действительности.

Именно в потоке жизнедеятельности, в потоке бытия наблюдатель (так будем называть человека, осуществляющего процесс познания) и видит все объекты и структуры, которые он описывает затем в языке [13, с. 155]. Таким образом проявляется «биологическая реальность» и распределенность языка, поскольку когнитивные процессы происходят не только в головном мозге наблюдателя, но и в других органах, а также «выходят за рамки» его тела.

Результатом описания наблюдателем окружающего мира является особый, промежуточный мир т.н. «представлений» (это слово здесь мы употребляем в смысле А. Шопенгауэра). Представления вообще можно подразделить на структуры различного типа. Ю. Н. Караулов упоминает о том, что среди данных элементов промежуточного мира ментального лексикона наибольшую часть составляют образы [4, с. 189]. Однако не только они одни входят в ментальный лексикон человека. Значительную часть ментального лексикона составляют концепты и гештальты, о чем подробнее будет сказано ниже.

Известно, что явление аутопоэзиса — самовоспроизводства живых существ, при котором нет принципиального разделения на производящий и производимый объекты [8, с. 26] или, как пишет об этом Е.А. Лавренчук, «воссоздание себя через себя самого» [5] — является одним из основных критериев определения живых систем. Однако, данное наблюдение справедливо не только для живых существ [11, с. 30; 12, с. 42], но и для систем, не обладающих «жизнью» в традиционном понимании этого термина, таких, например, как структуры знания, выражающие себя в языке с помощью каких-либо языковых знаков. В частности, Б. Гёрцель рассматривает различные ментальные структуры как, например, мысли и чувства аутопоэзными системами внутри так называемой «системы магов» [10, с. 105].

Одной из основных структур знания, являющихся результатом концептуализации мира сознанием человека, наряду со схемами, является концепт. Он является одним из наиболее обобщенных типов таких структур, несет в себе абстрактные знания и представления о мире и проявляет себя в дискурсе различных типов в виде так называемых гештальтов, которыми могут являться различные структуры — логические понятия, обыденные понятия, стереотипные представления, образы, образные метафоры и образы-символы [7]. В частности, А.П. Мартынюк считает концепты дискретными единицами сознания, наделенными гештальтной структурой, которая «отражает вероятностную природу мира» [7]. Соотношения же между различными гештальтами конституируются с помощью каких-либо

концептуальных метафор. Согласно модусно-гештальтному подходу исследования абстрактных концептов, развиваемому, например, в работах Л.О. Чернейко, гештальты являются результатами «глубинного сопряжения гетерогенных сущностей — абстрактных и конкретных» [9, с. 23]. Она метафорически говорит о них как о маске, которую «язык надевает на абстрактное понятие» [9, с. 24]. Ю.Н. Караулов дает следующее определение гештальта: это — «связующее звено между значениями (языковыми свойствами) и их коррелятами в действительности» [4, с. 191]. Он также рассматривает гештальты как одни из основных элементов «языка мысли» (то же самое, что и ментальный лексикон) и говорит о его промежуточной роли по отношению к собственно языку, звуковой речи и внешней реальности, отображаемой в языке [4, с. 191].

Дж. Лакофф дает такое определение гештальтам: это «структуры, используемые в процессах — языковых, мыслительных, перцептуальных, моторных или других» [6, с. 350–351]. Отсюда, согласно Ю.Н. Караулову, следуют такие важные свойства гештальтов как потенциальность и прегнантность [4, с. 191]. Последнее означает способность гештальта как единицы промежуточного языка быть развернутым «в более или менее пространственный текст» [4, с. 191]. Данное утверждение также подчеркивает аутопоэзную структуру систем гештальтов.

Л.О. Чернейко подчеркивает важную прагматическую функцию гештальтов в освоении языковой действительности и конструировании вербализаций различных концептов [9, с. 23–25]. Она говорит о том, что гештальты могут «повторяться в концептах разных имен» и «обуславливать их форму» [9, с. 23–25]. Таким образом, мы можем утверждать то, что система гештальтов, объективирующая какой-либо концепт в языке, — это аутопоэзная система.

Система гештальтов какого-либо определенного концепта порождается им же самим в процессе языкового освоения действительности сознанием человека (если следовать теоретическим построениям Ю.Н. Караулова, то языковой личностью [4, с. 15]) и конструирования этого концепта. Но, вместе с тем, сама система гештальтов является самоподдерживающейся структурой. В дальнейшем процессе языкового освоения мира гештальтная система какого-либо концепта начинает порождать новые гештальты и, вместе с тем, «заставляет обновляться» те кванты знания (термин В. И. Карасика [3, с. 7]), которые содержатся в прежних гештальтах. При этом, если рассматривать процесс языкового освоения действительности с неогумбольдтианской точки зрения, граница между языковыми и концептуальными структурами становится практически прозрачной, и разница между языковыми и концептуальными структурами практически нивелируется [1, с. 454–455].

Й.Л. Вайсгербер показал, что подобные рассуждения о соотношениях языковой и концептуальной структур допустимы [14, с. 155], а также то, что системы гештальтов какого-либо концепта (например, системы языко-

вой образности или языковой символики) допустимо представлять в виде фреймовых структур.

Соответственно, можно представить всю гештальтную систему в виде единой фреймовой структуры, поскольку, как утверждает Ю.Н. Караулов, «возможность объединения фреймов в сеть снимает ограничение и на длину текста» [4, с. 192], т.е., в единую фреймовую структуру возможно объединять и достаточно «большие» гештальтные системы. При этом полученная система также будет являться аутопоэзной, поскольку фреймовая структура складывается из систем некоторого числа гештальтов, но и гештальты, в свою очередь, поддерживаются за счет появления новых концептуальных единиц в данной фреймовой структуре.

Большинство так называемых «символических форм языка» являются именно аутопоэзными образованиями. Примерами могут служить различные виды языковой символики, языковая образность и дескриптивная лексика, концептуальные метафоры, вербализующиеся в различных типах дискурса.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что явление аутопоэзиса может проявляться не только в живых системах в традиционном понимании этого термина, но и в системах различных структур знания, таких, например, как концепты и соответствующие гештальты. Этот факт может послужить еще одним подтверждением биологической реальности языка и изучению языка с биологической точки зрения. Можно сделать также вывод, что биологический подход к изучению языка оправдывает себя, позволяя достичь новых перспектив, новых горизонтов и новых результатов в изучении такого сложного феномена как язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О. Лео Вайсгербер в когнитивной перспективе. // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т.49, №5. — М., 1990. — С. 451–458.
2. Златев, Й. Значение = жизнь (+ культура): набросок единой биокультурной теории значения. Авториз. пер. с англ. Т. Л. Верхотуровой и А. В. Кравченко // *Studia linguistica cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. — М., 2006. — С. 308–362.
3. Карасик, В. И. Языковые ключи. — М., 2009.
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — Изд. 8-е. — М., 2013
5. Лавренчук, Е.А. Аутопоэзис. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://vox-journal.org/content/Vox11-Lavrenchuk-Au.pdf>. — Дата доступа: 08.03.15
6. Лакофф, Дж. Лингвистические гештальты. // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск X. Лингвистическая семантика. — М., 1981. — С. 350–369.
7. Мартынюк, А.П. Опыт модусного моделирования концепта (на примере концепта CELEBRITY / ЗНАМЕНИТОСТЬ, актуализированного в англоязычном газетном дискурсе). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/vypusk-no1-2010/martynuk-a-p>. — Дата доступа: 08.03.15.
8. Матурана, У.Р., Варела, Ф.Х. Дерево познания: биологические корни человеческого понимания / Пер. с англ. Ю.А. Данилова. — М., 2001.
9. Чернейко, Л.О., Долинский, В.А. Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа / Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. — № 6. — М., 1996. — С. 20–41.

10. Goertzel, B. From Complexity to Creativity. Computational Models of Evolutionary, Autopoietic and Cognitive Dynamics. — New York: Plenum Press, 1996.
11. Maturana, H.R. Autopoiesis // Autopoiesis: A theory of living organization. — New York: North Holland, 1981.
12. Maturana, H.R., Varela, F.J. Autopoiesis: the organization of the living / Autopoiesis and Cognition. — Boston: Riedel Publishing Co, 1980. — Pp. 20-47.
13. Maturana, H.R. Biology of self-consciousness // Consciousness: Distinction and reflection. — Naples, Italy: Bibliopolis, 1995. — Pp. 145-175
14. Weisgerber, L. Zweimal Sprache: Deutsche Linguistik 1973 — Energetische Sprachwissenschaft. — Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1973.